

-Т

оварищ старшина, разрешите доложить! — обратился к Семаге первогодок Евгений Чукалин.

— Ну...

— Приборка закончена.

— Второй час ковыряешься, ползаешь по казарме беременной вошью... — Семага сверился с наручными часами. Перевел стул в более устойчивое положение — на четыре ножки вместо двух — и убрал ноги со стола. Опершись о стол руками, встал и спросил:

— Точно все сделал?

— Проверьте сами — мне спать охота...

— Значит, так: если я с ходу найду косяк, ты заступишь завтра в наряд и выдраишь галюн до блеска.

— Так точно.

Независимый, ироничный тон Чукалина шаркнул колючками по самолюбию старшины. Семага, зыркнув глазами, вышел из офицерского кубрика — его царства на то время, пока в нем нет командира части. Выпрямился, сдвинул бескозырку на затылок и пошел на осмотр своих владений.

Чукалин вышел вслед за старшиной в длинный коридор, по бокам которого располагались кубрики с мирно сопящими матросами. На тускло-желтых стенах висели портреты видных военачальников. Между ними переливалась красками и ра-

довала интересным текстом стенгазета, написанная им, Евгением Чукалинным, которая уже не раз становилась предметом гордости командира части перед другими старшими офицерами флотилии.

Старшина, мягко, по-кошачьи ступая, шел по коридору, попутно ведя пальцами по всем неровностям казармы в надежде найти следы пыли. Дойдя до гальяна, сказал:

— Иди, окно в каптерке закрой.

Чукалин развернулся, пошел выполнять приказ, отчетливо помня, что окно в каптерке закрыто. Через несколько шагов обернулся.

Старшина склонился над ящиком с песком, норовя подсунуть за него конфетный фантик, загода припасенный в кармане. Чукалин кашлянул, спросил с брезгливой, издевательской заботой:

— Конфетка сладкая была, товарищ старшина?

— Ты как со мной базаришь, сопляк?! — зло спросил старшина, пряча в карман несработавший «косяк». — Думаешь, если драться самбой умеешь, значит, все позволено?

— Не все, товарищ старшина. Только то, что положено по Уставу и на что есть «одобрямс» любимого старшины.

Они оба хорошо помнили их первую стычку.

В знойный вечер новобранцы стояли в строю еще не знакомые друг с другом. Перед строем вышагивал старшина-годок, последнего года службы, цедил ухмылисто, лениво, снисходя до вновь прибывшей толпы сабабон:

— Ну шо, салаги неструганые, будем из вас мужиков делать... — Походка старшины со сцепленными сзади руками походила на манеру всяких авторитетов из военных фильмов.

— Я старшина Семага Антон Иванович, старший помощник командира звена торпедных катеров капитан-лейтенанта Левина. Мотайте на ус: когда нет командира, я тут царь и бог в одном флаконе. Все, шо я скажу, — закон. У вас два пути: либо вы бежите на цырлах выполнять любой мой приказ, либо гниете в нарядах или на губе. А при особом удовольствии — одно будет сменять другое безо всякого передыха.

С застывшей ухмылкой он замолчал. Осмотрел строй, спросил:

— Это всем понятно? — Молчание строя прорезал лишь звон ночных цикад с плаца.

— Не слышу ответа! — рявкнул старшина. — Всем понятно?!

— Так точно, — унылым разнобоем отозвался строй.

— Вот так, губошлепы. На умывание ра-зой-дись!

Матросы рассыпались по казарме. До отбоя предстояло всем помыть-ся, подготовиться ко сну и первому служебному дню, когда будет приниматься присяга.

Старшина со своими ботинками в руках остановил одного рослого матроса, положив руку на плечо:

— Стоять, дылда. Фамилия?

— Матрос Чукалин.

— Тебе сегодня повезло, Чукалин. Сегодня для тебя ответственное задание. Начисть мне чоботы. По-брацки.

Сунул ботинки в руки матросу. Чукалин тяжело, пристально смотрел на старшину.

— Шо молчишь, буркалы выпучил? Есть возражения?

— Не получится с заданием. Я пришел служить Отечеству, а не прислуживать старшинам.

— Ш-о-о? Ты не понял, шо я вам перед строем в мозги ваши запикивал? Повторяю последний раз: чоботы начистишь, поставишь возле моей койки. И доложишь за исполнение по всей форме. Свободен.

Семага развернулся и зашагал к выходу. Чукалин заговорил:

— Расставим точки над «и». Во-первых, по-братски не получится, ты мне не брат. А во-вторых... — Обувь старшины полетела на пол, грохот разнесся по казарме. — Во-вторых, полезно научиться самому ручками работать.

Чукалин тяжело, не мигая, смотрел на Семагу, от неожиданности разевавшего и закрывавшего рот. Старпома на третьем году службы нагло отшивает какой-то первак?! В первый день прибытия салага на службу?!

Из горла старшины вырвался рык:

— Молись, скотина!

Семага ринулся на Чукалина. В шаге от разъяренного годка Чукалин скользнул влево, цепким захватом с грохотом бросил тушу через бедро на пол. Запрыгнув на поверженного, придавил коленом правую руку старшины, обездвигил вторую и взял Семагу за горло.

— А теперь слушай меня. Если еще раз полезешь ко мне со своими чоботами, выключу нокаутом и отполирую задницу твоим же ремнем. Я не для того институт заканчивал, чтобы бандеры вроде тебя надо мной выкобенивались... Ты все понял?

Стиснул ладонь на горле старшины.

— Не слышу ответа!

— Фсё-о-о-о... понял... — прошипел придушенным гусаком старшина.

Чукалин встал. Взялся заправлять свою койку. Матросы, застывшие в столбняке, отворачивались. Давя в себе испуг вперемешку с хохотом, возобновили свои дела: вид старшины был не для слабонервных.

— С-сука, мразь... Подожди-и. Я с тобой еще разберусь. Ты доигрался, щенок. Тебе конец. Завтра с тобой еще поговорим, — выхрипнул Семага, потирая горло.

Пошел к своему кубрику, скрылся за дверью. Чукалин несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, выгоняя из крови лишний адреналин, и стал готовиться к отбою. Истайвало в памяти и распадалось на клочки панно из прикипевших к сердцу фресок о недавней жизни на гражданке: ликующе-победные финалы схваток на татами, гремевший славой на весь Северный Кавказ их народный оперный театр в Грозном, ночные бдения за фортепиано, студентка музучилища Ирэн, которая любовно шлифовала душу и руки молодого пианиста, — все уходило в черную бездну нынешней тоски по быломu.

* * *

Через колдобины, надолбы и ухабы неслась отныне служба первогодка, пропитанная мстительной изобретательностью Семаги. Тот был неистощим на издевательства, когда в дивизионе отсутствовал командир.

На утреннем подъеме во время уборки кубрика старшина уже бдитительно стоял над согнутым Чукалиным. С заправленной койки первогодка он раз за разом сдергивал на пол одеяло с простыней:

— Пер-р-резаправить по Уставу! И шоб все ровненько... шоб без единой складочки!

И так — по десять, по пятнадцать раз. На утренней часовой пробеж-

ке на стадионе Семага держался рядом с отделением. И, выждав пару кругов, давал команду:

— Матрос Чукалин, выбежать из строя! Стоять! Смир-р-рна-а! Это шо за «смирна»? Глиста в коровьем брюхе стоит «смирнее», чем матрос Чукалин! Шо вытворяем на пробежке?! Бежим не в ногу! Бежим зачуханной коровой и гадим всему строю! Все отделение бежит впритрусочку два круга! Матрос Чукалин, смир-р-рна! Ать-два! Чукалин, учимся вставать, ложиться по Уставу. Встать! Лечь! Встать! Лечь! Отжаться десять раз! Встать! Лечь!..

И так всю остальную физзарядку, пока Чукалин не послал Семагу непечатным слогом далеко и несмываемо изящно — под нескрываемое удовольствие экипажей катерников. И отправлялся отбывать свою очередную гауптвахту.

Одна отрада была у Чукалина — боевая учеба, на катере на БЧ-2 он был назначен пулеметчиком спаренной турели. А уже вскоре Евгений стал ведущим, а затем и первым на учебных стрельбах дивизиона по мишеням.

* * *

Чукалин со старшиной стояли в коридоре. Не прорезало у Семаги с «косяком» — конфетной оберткой, которую он нацелился подбросить под ящик с песком.

— Старшина, вам можно посочувствовать в этой паршивой ситуации, — усмехнулся Евгений. — Салага заявился в дивизион и выламывается из всех ваших правил. Но вы никак не хотите понять, что мы одного возраста, что я закончил институт, и десять лет, которые я провел в схватках на татами, не позволяют мне лечь под кого-то без боя. А вам надо, чтобы я лежал и не дрыгал ножками. Вы никак не поймете...

— Это ты не понимаешь ни черта! Здесь всегда так было и будет... здесь право дедов! Мое право! И его никто не отменял! Я третий год уродуюсь за Родину мореманом, а ты, салага, губошлеп, меня мордой в грязь. За это ответишь. Ломать буду нарядами! Губой! Пока не приползешь на карачках прощения просить! И офицере на моей стороне: им при таких, как я, спокойно спится! Усек?! Забыл, как загудел на губу сразу на второй день после рапорта командиру...

— Не рапорта, а доноса. Только ты не сказал в нем, что ботинки были не мои, а твои. И ты первый полез на меня с кулаками. Так может, пойдем завтра к командиру Левину и объясним все, как было?

— Закрой пасть! — Семага было дернулся к Чукалину, но опомнился. — Опять на губу захотел?

Евгений развернулся и пошел прочь. Зашел в свой кубрик. Ночная духота втекала в окно. Он снял влажную от пота робу и сел на кровать. За окном слаженно звенел хор цикад. Чукалин растянулся на кровати, под грузным телом визгнули пружины. Услышал: сосед по койке Паша-моторист прервал храп, стал поворачиваться на бок. Немного погодя позвал:

— Чукало... не спишь?

— Ну.

— Что, опять старшина доставал?

— Он, родимый.

— Может, повторишь катаклизму, как в первый день: бросок через бедро, верхом на тушу и лапой за горлышко? Весь дивизион до сих пор смакует.

— Полезет с кулаками — напомним. Но, видно, не дождусь — он умный стал, уроки помнит.

— А может, сам повоспитываешь? Он — крыса. И сексот. С такими только так и надо.

— Вот ты и начни, если не терпится. Все, Пашок, спать. Завтра стрельбы с выходом в море.

— Да ладно, тебе-то чего трепыхаться? В перваки среди пулеметчиков уже вымахнул. За это командир по два увала в неделю стабильно тебе отстегивает. Мне бы так.

— Ну вот и спи, чтоб так же.

— Ты, говорят, их тратишь на фоно при Доме офицеров? Чтоб я пропал — не понимаю: потратить все свои увалы на протирание штанов за дрынканьем...

— Закрыли рот. Отбой...

Евген лежал с десяток минут, прислушиваясь ко всем звукам, потом осторожно поднялся с кровати. Ступая с носка на пятку, бесшумно вышел в коридор и направился к выходу из казармы, замедлив шаг у кубрика, где спал старшина. За дверью храпел его неутолимый надзиратель.

На улице легкий ветерок благодатно опахнул горячее, потное тело.

Евген пошел к трехметровому кирпичному забору, избегая освещенных мест. На углу части стоял железный сарай, оборудованный под склад. По его бокам топорщились кусты. За забором, пристроившись к нему, вплотную высилась шершавым осанистым стволом мохнатая пальма. Чукалин поравнялся со складом, как вдруг услышал голоса: по периметру части шел патруль. Два старшины-контрактника с офицером обходили территорию. Евген перепрыгнул через кусты и распластался на земле. Старшины шли, перебрасываясь фразами:

— Ну как тебе та блондиночка на причале? Ты на нее тоже глаз положил.

— Чего ж не положить, там все на месте, особенно с кормы. Ей бы в пару бронеточку, такую же, чтоб у матросов не было вопросов.

— Р-разговорчики на службе, отставить! — негромко, с усмешкой прервал ценителей женских форм офицер.

Евген дождался, когда патруль удалится, и, обогнув склад, остановился у двери, запертой на массивный висячий замок. До заветной цели оставалась какая-то сотня метров. Немного легкой трусцы — и он уже шел вдоль массивного четырехэтажного здания Дома офицеров. Парадный вход был выполнен в изысканном восточном стиле.

Евген шел, взглядываясь в окна второго этажа. Одно из них, рядом с ветвистой кроной клена, было слегка приоткрыто. Евген забрался на дерево. Держась за одну ветку руками, переступая по другой, он пробрался к окну и спрыгнул в кабинет, все убранство которого составляли стол, два стула и фортепиано.

Взяв со стола пару газет, Евген приподнял верхнюю крышку инструмента, опустил их между струнами и молоточками фортепиано. Затем открыл крышку клавиатуры и нажал на клавишу. Приглушенный, шершавый звук вылетал из инструмента и тут же опадал в тишину. Лакированное покрытие пианино отражало слабый свет улицы. Он шагнул к окну и выглянул на улицу: все было тихо. Город спал.

Плотно закрыв окно, Чукалин наконец сел за фортепиано. Надо было закончить своего «Сонатенюша»... Из-под пальцев вырвались аккорды — ни на что не похожие, свои.

Время ушло за полночь. Квартира контр-адмирала Пильщикова затихла в сонном забытии. Пильщиков лежал на большой двухместной кровати рядом со своей безмятежно спящей женой. Окна в комнате были настежь распахнуты, легкий ночной ветерок мерно раскачивал полупрозрачные занавески. Контр-адмирал чуть усмехнулся привидевшемуся образу: их ночное спокойствие словно бы сторожили два сизых призрака.

Он поднялся, нащупал на кресле одежду, взял пачку сигарет со стола и вышел из спальни. Одевшись, спустился в ночную мелодию города. Ее озвучивала природа: сотни цикад и сверчков упоенно славили свою короткую, но неистово музыкальную жизнь. Полная луна была так ярка, что казалась четко вырезанным кругом в черном небесном полотне, за которым полыхал свет.

Пильщиков прикурил сигарету и, глубоко затянувшись, пошел по направлению к пирсу. Сон отгоняли мысли о большой работе, которая ему предстояла. В голове засела просьба командующего флотилией вице-адмирала Олейникова: «Василий Геннадьевич, включайся в создание ансамбля. Бумага в Минобороны давно отправлена. Отказа не будет, наемнули на уровне департамента, идея хорошая. Надо срочно искать артистов: в городе, в театре, в консерватории. Но прежде всего — во флотилии. Тебе, меломану и театралу, с твоими контактами с бакинской элитой — и ветер в паруса».

...Пильщиков дошел до тенистой аллеи, окольцевавшей здание Дома офицеров. Ветвистые клены горделиво распушились плотной зеленью, будто позируя ночному фотографу.

Адмирал любил приходить сюда ночью, когда тьма укрощала свирепый дневной зной и обволакивала долгожданной прохладой.

Треск цикад постепенно стихал, с моря усиливался ночной бриз.

До пирса оставалось не больше двухсот метров. Внезапно послышался приглушенный, странно шелестящий аккорд, как упавший откуда-то сверху. Повторился еще раз, в другой тональности. Затем все затихло.

Пильщиков собрался уходить, но аккорды возобновились и перешли в мелодию, будто распираемую изнутри сдавленной, рвущейся наружу экспрессией. Мелодия обрывалась, расчлененная паузами, аккорды повторялись раз за разом. Пианист явно разучивал что-то новое для себя... Что? Мелодия, стиль, полифония аккордов были предельно необычными... Уникальное сочетание классической гармонии с музыкальным авангардом... Шнитке? Шостакович? Свиридов?

Адмирала разъядало любопытство: глухая ночь и неведомый, мастеровитый пианист на втором этаже Дома офицеров. Там была музыкальная школа для детей офицеров флотилии. Но это был явно не ученик. Педагог? Место коему точно в проекте создаваемого ансамбля! Именно там! Но почему в такое время? И что за странный, шипяще-укрощенный звук у фортепиано?

«Завтра непременно узнать, кто играл. Непременно», — решил Василий Геннадьевич.

Наваливалась сонливость. Пильщиков направился домой досыпать.

Матросский кубрик слитно и мощно всхрапывал, сопел, подобно ночному прибою во время легкого бриза. Лица матросов разгладились, обрели ту безмятежность, какая была на них до армейской жизни, не знавшей строевой шагистики, марш-бросков и нелегких учений в штормующем море.

Семага нервно подергивал руками. Ему снилась драка. Черты его соперника во сне явственно походили на чукалинские. Рука старшины было пошла на замах для сокрушительного удара. Но Чукалин плевать хотел на Семагу с его замахом и нахально ухмылялся. Семага ненавистно крикнул: «Лыбишься, чертило?!.. Ща я тебя...» — И послал кулак в ненавистную рожу. Но бескостно-вялая рука на лету распустилась каким-то ватным хлопковым бутонем. От такого пугающего превращения Семага судорожно вскинулся на кровати. Его будто выбросило из сна. Старшина настороженно открыл глаза. Поднялся с кровати, вышел из каютки в спальню. Пошатываясь, зашаркал вдоль двухъярусных коек, машинально фиксируя, насколько идеально сложена форма на табуретках. Некоторые тотчас небрежно спихивал на пол, чтобы утром рыкнуть на такого растяпу: «Сложить, салага, как пол-л-ложено!»

Подойдя к кровати Евгена, старшина остолбенел: пустая койка?! На табуретке одежды не было. «Это што за бардак?! Где этот говнюк?! Самоволка?! Ночь... Побег из казармы?!»

В груди разгорался ликующей пожар: эта самоволка была долгожданным подарком... он выжмет из такой ситуевины по полной... тут губой не отделаешься...

«Тут тр-р-рибунальчиком в нос шибает, москалик разлюбезный!»

Семага вдавил кнопку боевой тревоги на стене и, перекрывая оглушительный трезвон, заорал:

— Па-а-дъем!! Трево-о-га-а! Строиться на плацу!

Матросы с грохотом рушились с коек. Спустя минуту все стояли одеты в строю. Семага, сдерживая ликующую дрожь в груди, командовал:

— По порядку рас-счи-тайсь!

— Первый... второй... третий, — выметывался из ртов глухой пересчет.

— Десятнадцатый! — Крайний матрос сделал шаг вперед — расчет окончен.

— Десят-над-ца-тый?.. — с наслаждением повторил Семага. — Та-ак, салабоны! А где ж у нас двадцатый?! Шо, черти с квасом зылы?! Кто знает, где Чукалин? Никто. Значит, покрываем драп своего салаги. Смир-р-рна! Стоять до упаду, пока мозги про дезертира не подскажут!

Семага развернулся и, ускоряясь, зашагал в кают-компанию. Взял трубку телефона на письменном столе, набрал номер. Переждав очередь длинных гудков, он наконец услышал недовольный хриплый голос только что крепко спавшего человека:

— Капитан-лейтенант Левин...

— Товарищ капитан-лейтенант, разрешите доложить о происшествии! В кубрике ЧП! Пропал матрос Чукалин. Экипажи подняты по тревоге. Никто ничего не знает. Разрешите организовать поисковую операцию?

Капитан-лейтенант, командир звена из пяти катеров, сидел в кровати. Глаза его были закрыты. Одной рукой он держал телефонную трубку, другой потирал висок, приходя в себя. Понял, кто ему звонит.

— Семага?

— Я, товарищ капитан-лейтенант!

— Какого черта поднял по тревоге экипажи?..

— Как только было обнаружено отсутствие матроса!

— А что сразу в штаб флотилии не позвонил?! Не мог сначала меня оповестить, а уже потом матросов мордовать? У тебя мозги в каком месте?!

Левин сморщился, как от зубной боли. Терпеть не мог офицер старшину, всадившего в команды катерных экипажей дедовщину, скрутившего их садистской дисциплиной, напрочь вышвырнув из служебной жизни какие-либо человеческие отношения. Но дисциплинарное спокойствие в дивизионе его устраивало.

Семага мстительно молчал и думал: «А ху-ху не хо-хо? Не-е, в этот раз не выйдет покрыть любимчиков».

— Все согласно Уставу, товарищ капитан-лейтенант.

— Экипажам — отбой. Сами разберемся. Скоро буду.

В трубке раздались короткие гудки. В сердце старшины накалялось злорадство: «Чукалу прикрыть захотел? Чтоб все шито-крыто? Не, бугор пархатый, хрен вам, не дам на тормозах спустить. Последний год на вас уродуюсь! Так дверями хлопну, что вся флотилия на уши встанет...»

* * *

Чукалин сидел за фортепиано, положив руки на колени. Взгляд скользил по черно-белой клавиатуре. Концовка его «Сонатеньша» никак не давалась. Он снова и снова подбирал аккорды в разных сочетаниях — не то. Не то-о!

Ночь уходила, наваливалась усталость от хронических недосыпов. Луна за окном потускнела в прорывающемся к небу рассвете. Надо возвращаться в казарму, времени почти не осталось, и разум панически, судорожно искал концовку музыкального произведения. Луна... Теряющая властную силу Луна... А может быть, не мажор, а лунный минор в концовке?! Евген с замирающим сердцем положил руки на клавиши и услышал приближающиеся шаги в коридоре. Дверь распахнулась. В кабинет влетел Семага в сопровождении Левина. Сзади них маячил растерянный дежурный по ОДО.

Семага рыкнул:

— Я говорил, товарищ капитан-лейтенант, здесь он! Рой себе могилу, Чукало! Дезертирство за пределы части ночью — теперь губой не отделаешься...

Не обращая на старшину внимания, Евген встал из-за инструмента, обратился к офицеру:

— Товарищ капитан-лейтенант, разрешите мне буквально пять минут, найти несколько аккордов...

Старшина взревел, раздувая жилы на шее:

— Совсем оборзел, скотина наглая?! Дезертировал и еще хлебало раважаешь? А ну, пошел на выход!

— Отставить, старшина! — сказал Левин, но не успел закончить. Семага прыгнул к Чукалину, схватил за руку, выворачивая ее за спину... Бойцовая ярость, полыхнувшая в Чукалине, послала в мозг ответную команду: локоть правой руки в развороте рванулся назад, за спину, и вмялся в лицо Семаги. Старшина рухнул. Кровь заливала его белеющее на глазах лицо.

— Ну и что дальше, Чукалин? — глухо спросил Левин. — Доигрался ты во всех смыслах! Теперь нахлебаемся!

Левин стоял навтытяжку перед столом, за которым восседал красный от ярости командующий флотилией Григорий Васильевич Олейников. В руках он держал рапорт о происшествии в дивизионе торпедных катеров, перечитанный в который раз.

— Товарищ вице-адмирал, — начал Левин, — я понимаю всю тяжесть моей вины и вины матроса, лучшего пулеметчика дивизиона, но он...

— Какие здесь могут быть «но», капитан-лейтенант? Этот ваш ворoshiловский стрелок — форменный бандит! Ночной побег из части... Во время задержания изуродовал старшину Краснознаменной флотилии... Вы понимаете, что ему за это светит? Созыв военного совета с оформлением дела в трибунал. И отчет в Генштаб ВМФ! Нам только этого сейчас не хватало! Я жду важнейшего решения из Москвы об ансамбле, нам такое доверие оказано, а тут офицер Левин со своим матросом нас всех мордой об стол... Кстати, какого черта этот... Чукалин делал ночью в ОДО, вы пытались узнать?!

— Заканчивал свое фортепианное сочинение.

— Что-о?

— Чукалин — практически профессиональный пианист, в институте пел в народном оперном театре, имеет высшее образование и сочиняет музыку.

— Та-ак. Ну и зачем этот сочинитель изувечил старшину?

— Старшина Семага бросился к Чукалину, стал заламывать ему руку за спину. Последовала ответная реакция матроса, который, плюс ко всему, имеет КМС по самбо.

— А вы? Вы же были там! Почему не остановили старшину?

— Он не послушал моей команды. Как мне докладывали, он давно ненавидит Чукалина и издевается над ним, пользуясь своим званием.

— Н-н-да. Выходит, он не исключение. У них нет исключений из правил. Значит, правильно мы их по отдельным подразделениям разбрасываем.

— Простите, товарищ вице-адмирал, я не совсем понимаю...

— Потом поймете. Кстати, как у вас с дедовщиной?

Левин опустил глаза, сказал, с усилием подбирая слова:

— В мое отсутствие у Семаги... не происходило никаких ЧП. По дисциплине и уставному распорядку в подразделении не было замечаний.

— Одним словом, удобненько вам жилось за спиной Семаги, — посмотрел на Левина командующий с жесткой усмешкой. — Только сколько веревочке не виться... В общем, допрыгались, орлы. Ступайте!

В кабинет командующего вошел контр-адмирал Пильщикова.

— Присаживайся, Василий Геннадьевич, — озабоченно пригласил Олейников. — Ну, что будем делать с этим мордобойцем? ЧП, созыв военного совета? Докладную особого отдела читал?

— Внимательно изучил, Григорий Васильевич.

— Что думаешь по этому поводу? Семага и Чукалин дуэтом сотворили ЧП особой тяжести.

— Позволю себе предположить, что мы думаем синхронно о главном пункте в докладной. Семага и Чукалин — это частный случай, производное от главного.

— Так-так. Продолжай.

— Западенцы-старослужащие из Винницы. Из доклада ОСО: у них на флотилии националистическая смычка... Делятся идеями о самостийной Украине. В подразделениях держатся враждебным особняком, насаждают изуверскую дедовщину среди «москалей». Вот ее-то мы сокрушительно проморгали. Точнее сказать, если не закрывали, то отводили глаза при сигналах из подразделений. Так было удобно: за дедовскими спинами старослужащих офицерам спокойно жилось.

— Ну что ж... здесь у нас с тобой явное единомыслие, Василий Геннадьевич. Так как быть с военным советом по Чукалину?

— Обязательно собираем. Но не по Чукалину, а по докладной особого отдела и дедовщине. Ее итогом стало это чрезвычайное происшествие со старшиной и подчиненным матросом. Над ним явно уже считай год изо дня в день издевался старшина. На совете надо обязать офицеров категорически и жестко пресекать любые случаи дедовщины. И за слякотный либерализм в ее пресечении — наказывать, вплоть до понижения в звании.

— Согласен. Но что будем делать с конкретными фигурантами этого ЧП?

— Каждому Сеньке по шапке. Семагу комиссовать из ВМФ по состоянию здоровья и пусть катится к своему РУХу. Чукалину — двадцать суток гауптвахты особого режима.

— Не понял. То есть как это?

— Выпускать ежесуточно на пару часов для занятий на фортепиано. Я недавно случайно услышал ночью в Доме офицеров блестящую игру на пианино. Потом узнал — это Чукалин завершал свое фортепианное сочинение. Оказывается, он полгода тайком в самоволках ночами занимался музыкой. Спал по этой причине не более трех-четырёх часов в сутки. Я не представляю, как он после этого нес службу, а ведь как-никак лучший пулеметчик дивизиона!

— Василий Геннадьевич, а почему бы нам не послушать этого вундеркинда-мордобойца? — спросил командующий.

— Хорошая идея. В нашем актовом зале, завтра. Там есть рояль.

* * *

В актовом зале стояла тишина. Ряды зрительных мест пустовали, кроме первого, где расположились два адмирала. Сзади них сидел капитан-лейтенант Левин.

Чукалин, прибывший на сцену под конвоем, стоял по стойке смирно. Бледное лицо несло на себе оттенок многомесячных недосыпов, но глаза явно выражали решимость. Евгений не мог простить себя за вчерашний срыв, за проблемы, возникшие в связи с этим у его командира Левина, за авральный подъем его товарищей среди ночи... Но именно после всего пережитого пришло окончательное решение по концовке его музыкального опуса...

Он догадывался, что сейчас должен был начаться его самый главный экзамен. Софиты двумя лучами ярко-желтого света охватывали сцену.

— Ну что, товарищ матрос, — начал Пильщиков, — интересно послушать, ради чего вы недопустимо нарушали воинскую дисциплину. Вы не отрицаете, что систематически покидали расположение части по ночам, чтобы доделать свое произведение?

— Так точно, товарищ контр-адмирал. Вчера я как раз закончил своего «Сонатеньша».

— Почему «Сонатеньша»? Я что-то не слышал о такой музыкальной форме.

— Это мое добавление. Есть сонаты, сонатины. Я добавил к ним «Сонатеньша».

— Весьма отважно. Подкорректировали Баха, Моцарта и Бетховена? Ну-ну. Продемонстрируйте новорожденного.

Чукалин поднялся на сцену, на которой отблескивал лаком черный немецкий рояль. Сел, открыл крышку. Слегка подрагивали влажные руки — сказывалось волнение. Он вытер их платком. Закрыв глаза... Никогда еще не приходилось играть столь высокопоставленным слушателям.

Он отодвинул немного стул и положил руки на клавиатуру. В его музыке было все: бессонные ночи, предельные нагрузки марш-бросков в полной боевой выкладке, шипящий хлест волн в ревушем полете катера по морю, старшина Семага, конвульсивная дрожь пулемета в длинной очереди по мишени и горькое письмо от Ирэн из Грозного, в котором она сообщала, что выходит замуж за преподавателя Саратовской консерватории, куда поступила два года назад... Та самая Ирэн, благодаря которой он овладел фортепиано...

Евген уронил руки на колени. Он сделал все, что от него зависело, все, что мог.

В зале два адмирала перешептывались.

— Ну хорошо, — наконец повернулся к Чукалину контр-адмирал Пильщиков. — Ваш командир сказал, что вы занимались и оперным вокалом, не так ли?

— Да... — вздохнул Евгений и запел, аккомпанируя себе на рояле.

В полумраке зала бархатный бас запел знаменитые куплеты Мефистофеля. Пильщиков удовлетворенно улыбнулся. В свою очередь вице-адмирал Олейников изумленно всматривался в Чукалина, в его мимику, в движения рук: так властно захватывало это профессиональное исполнение.

Евген допел.

— Вот что, Чукалин, — уверенно сказал Пильщиков, — вы будете участвовать в организации ансамбля песни и пляски после отбывания взыскания. Служба есть служба. Капитан-лейтенант Левин...

— Я! — Капитан-лейтенант вскочил.

— Объявите взыскание своей властью, в рамках Устава. За применение физического воздействия к старшему по званию. Чукалин, после отбытия наказания получите дополнительные инструкции по формированию личного состава ансамбля из служащих флотилии и за ее пределами. Думаю, существенно помогут в этом деле Бакинская консерватория и Театр оперы и балета. На этом закончим прослушивание. Капитан-лейтенант, забирайте Чукалина.

Два адмирала пошли на выход, обсуждая принятое решение. Евгений все еще стоял на сцене. Разум, плаваясь в нахлынувшем счастье, отчетливо отметил: такого подарка жизнь ему не подносила никогда.

Подошел Левин, сказал, тепло улыбаясь:

— Светисься, как ночной фонарь в дивизионе. В общем, отсидишь двадцать суток на гаупвахте. В особом режиме.

— Что за особый режим, товарищ капитан-лейтенант?

— Два часа в сутки сможешь сидеть за роялем. Под конвоем. Меньше двадцати суток не имею права. А вообще — жаль мне терять такого пулеметчика!

* * *

Через три недели Чукалин шел к консерватории, прокручивая в памяти разговор с контр-адмиралом Пильщиковым перед увольнением. Из Москвы спущено «добро» на создание ансамбля — вместе с солидным финансированием и фанфарными перспективами: концерты за пределами флотилии, гастролы в другие города, если ансамбль обретет достойный профессиональный уровень. И многое в этом зависело от Чукалина. Уже им прослушано и отобрано в частях флотилии восемнадцать вполне достойных претендентов для хора ансамбля. Многие из них, как и он, на гражданке пели в сельских и городских кружках самодеятельности, в клубных хорах. Как особый подарок — двое «годков», выпускники консерваторий. Еще пару десятков отыскать — и хор готов.

Так что он снова спешил в Бакинскую консерваторию. К выпускникам. Нельзя терять времени, ведь некоторых призовут уже через месяц! А потом — новые заботы: переселение отобранных претендентов в специально для ансамбля отремонтированную казарму.

А сейчас он пока радовался улицам весеннего Баку! Каждый шаг приносил наслаждение. Весенние деревья, обметанные нежной, еще не замахнувшейся листвой, шелестели на ветру, встречные девушки с интересом заглядывались на статного, рослого матроса, чья форма давала ему определенное преимущество перед сверстниками.

Из окон строгого, монументального здания Бакинской консерватории выплескивалось множество звуков: ревущие басы медных духовых инструментов переплетались с трелями струнных, их перекрывали распевки вокалистов. Звеняще-музыкальный хаос опажнул и ностальгически, щемяще проник в память Евгена: где вы, студенческие оперные спевки во Дворце культуры у маэстро Соколова?.. Ирэн с ее нежной и капризной властью над корявыми руками «самбиста-пианиста» Чукало... Где вы, премьеры, партии Спарафучила в «Риголетто» и Гремина в «Евгении Онегине» с симфоническим оркестром, где все это?!

Евген переступил порог, открыв массивную дверь, шагнул внутрь. В вестибюле было прохладно, взгляду открылся просторный холл, выложенный мраморной плиткой с рядами колонн.

У дальней стены стоял стол, за которым восседал пожилой охранник-вахтер. Чукалин направился к нему.

— Здравствуйте, уважаемый, — вполголоса, сдерживая рокот баса, поздоровался он. — Подскажите, где найти вокалистов.

— В актовом зале занимаются, там сейчас сольфеджио.

Прищурившись, с интересом спросил (матрос в консерватории — фигура необычная):

— А тебе зачем вокалисты, служивый? Решил в певцы записаться?

— Я туда давно записан, дедуля, может, кое-кого и здесь перепою.

— Ишь ты, — усмехнулся вслед вахтер, оценил флотский гонор. — Прыткий! Однако и моряк же ныне пошел! Вот перепоешь Магомаева, тогда поговорим.

В актовом зале на сцене какой-то студент готовился к распевке с педагогом Сафаровым. По шепоту вокруг, в котором отчетливо слышалось

одно слово «Муслим, Муслим...», Евгений догадался, что это и есть тот самый Магомаев, который здесь среди всех особо выделялся своим уникальным голосом.

Аkkомпаниатор за роялем взял аккорд, и Магомаев начал репетицию: бархатистый захватывающий баритон пронизал полутьму зала. Распевка была почти такой, что и в оперном у Соколова, до боли знакомые сочетания: до-ми-соль-до-соль-ми-до; следующий аккорд аккомпаниатора и — ре-соль-си-ре-си-соль-ре!

Из зала, врезавшись в секундную тишину меж распевками, повинуюсь заданному аккорду, вдруг выметнулся и наложился унисоном на магомаевский баритон стальной, приглушенный бас следующего в распеве, повышенном на ноту:

— Ми-сольдиез-си-ми-си-сольдиез-ми!

Сафаров вздрогнул, повернул голову к голосу. Магомаев подался вперед, всматриваясь в полутьму зала. Увидел неожиданного дублера-нахала в матросской форме. Аккомпаниатор тоже увидел Евгения. Усмехнулся и, взяв следующий аккорд распевки, кивнул Магомаеву: «Продолжаем!» Полетный баритон будущего прославленного солиста этой страны взмыл над сценой, принимая вокальный вызов:

— Фа-ля-до-фа-до-ля-фа-а-а!

Аккомпаниатор, улыбаясь во весь рот, дал аккорд явно для Чукалина. Чукалин встал. Мощно, коротко, всей диафрагмой сделал вдох, взревел Мефистофелем:

— Соль-си-ре-соль-ре-си-соль!

Услышав происходящее в зале, убыстряя шаг, стали торопливо стекаться студенты, но входили на цыпочках, прижимались к стене.

Распевка и пассажи сольфеджио длились еще минут двадцать. Концертмейстер, он же педагог по вокалу, закончив урок, спустился в зал вместе с Магомаевым. Всмотрелся в строй любопытных у стены, попросил:

— Господа студиясы, вокальная дуэль закончена, попрошу на выход.

Студенты выходили в коридор, но кучковались у входа: не так часто консерватория баловала подобными сюрпризами. Дождавшись ухода последнего любопытного, Сафаров спросил Чукалина:

— Чем обязаны морскому визиту, коллега?

— Прошу прощения за непрошеное вторжение, товарищ Сафаров, — виновато извинился Чукалин.

— Простим, что ли, соперника? — спросил Магомаева концертмейстер. Муслим холодно усмехнулся:

— Бас баритону не соперник.

— Кто ставил такой каленый голос? — спросил Сафаров. — Музучилище, консерватория? Для кружка самостоятельности вы слишком большая роскошь.

— Оперная студия Соколова в Грозном.

— Витька Соколов из Грозного?! Мать честная! Вместе Гнесинку заканчивали, и вот на тебе... его ученик пытается на лопатки моего уложить! Как он там? Что нового сотворил? Помню, лет пять назад он в Махачкалу своего «Риголетто» с симфоническим оркестром привозил, настоящий фурур там устроил... А мы концерт в филармонии давали...

— «Евгения Онегина» два года назад премьеру сыграли. А в Махачкале, в «Риголетто», я Спарафучиля пел, — чувствуя, как стискивает горло ностальгический восторг, выдал Чукалин.

— До чего тесен мир! А здесь... здесь-то почему в моряках?

— После вуза призвали, два года отслужил на торпедных катерах.

— На Баилово? Каспийская флотилия?

— Она самая. А я у вас по приказу нашего контр-адмирала. Он договорился с ректором консерватории о моем визите. Хочу вот поговорить обстоятельно со студентами.

— О чем?

— Товарищ Сафаров, позвольте пока не вдаваться в детали... все еще в зародыше, боюсь сглазить.

— Надеюсь, когда зародыш оперится, меня с ним познакомите?

— Не просто познакомлю. Колено преклоню в просьбе о содействии.

— Даже так. Ну-ну, желаю успеха. Муслим, сегодня второе занятие в двадцать ноль-ноль. Здесь же.

— Я помню, Гейдар Юсуфович.

Сафаров вышел.

— Давай знакомиться, — протянул руку Магомаеву Чукалин. — Евгений.

— Муслим, — пожал ее Магомаев.

Оценивая нежданного пришельца, смотрел вприщур, спокойно и настороженно: не укладывалось произошедшее в обычные консерваторские будни, где его статус был выше всех сокурсников. Это скрытое отторжение опажнуло Евгения холодком. И подсказало решение: здесь надо взламывать ситуацию — сразу и желательно наверняка.

— Муслим, я все понимаю: явился незнакомый мореман, втерся нагло в распевку и строит из себя солиста. На твоём месте я бы отшил такого сразу и без разговоров.

— Пока подождем, — сказал все так же холодно Муслим.

— Тебе можно подождать, а у меня через час встреча в оперном с Евграфом Рыжовым, главным балетмейстером театра. Поэтому я сразу, как говорят в России, быка за рога. У вас здесь стипендия, я узнавал, тридцать четыре рубля. Как ты смотришь на дополнительные сто двадцать рублей в месяц, работу солистом на самых престижных площадках Азербайджана и затем России и концерт в Москве, в Кремлевском Дворце? Все это без отрыва от учебы, с разрешения ректора консерватории.

— Ты такие сказки всем рассказываешь или по выбору?

— По выбору. Ты — первый в этом выборе.

— Ни черта не понимаю. Конкретней можно?

— Нужно. Я уполномочен заместителем командующего флотилией контр-адмиралом Пильщикковым формировать состав ансамбля песни и пляски. Состав — хор с солистами, танцевальная группа в сопровождении инструментального ансамбля. Требуются солисты-вокалисты, танцовщики, дирижер-хоровик. Создание нового ансамбля в армии финансирует Москва. Помещение выделено, там заканчивается ремонт.

— Та-ак. Это уже не сказки, — глаза Магомаева разгорались темным угольным блеском. — Хотя... престижные площадки для концертов, гастролы и Кремлевская сцена — это с какого бодуна?

— Из нашего с тобой.

— То есть?

— До юбилея — 20-летия со Дня Победы — полтора года. В Москве на 9 Мая намечен фестиваль военных ансамблей. Я уже отобрал во флотилии восемнадцать кандидатов. Уровень приличных хористов. А сможем

ли мы в итоге сколотить ансамбль и войти в пятерку лучших для Московского фестиваля — зависит во многом от нас с тобой.

— Я уже в твоей упряжке?

— Это решать тебе. Кара-Караев, композитор, друг нашего контр-адмирала Пильщикова. Его сын Фархад помогает подбирать музыкантов в оркестровую группу. И они обговорили с ректором все льготы и особый режим для солистов и выпускников консерватории, которые впрягутся в формирование ансамбля. Я тебя сейчас слушал. Ты — из них лучший.

— Ты же других не слышал.

— Я слушал у Соколова очень многих: Дель Монако, Карузо, Пласидо Доминго. Я слушал распевку и сольфеджио. У тебя природно-итальянское бельканто. И отличный педагог Сафаров. Ансамбль может стать трамплином для карьеры лучшего баритона Советского Союза Муслима Магомаева.

— Не тянешь ты на доблестного советского матроса. Скорее, здесь гибрид из подхалима и дипломата, — улыбнулся Магомаев, и в его глазах растаял холодок, они засветились дружелюбным интересом. — Так что от меня требуется?

— Подбор солистов и хористов из ваших выпускников. Некоторым после окончания идти в армию. В ансамбле уже два таких, кстати, Леша Хрусталев — пианист, ваш выпускник. Рома Будовнич — после Ташкентской консерватории. Так почему бы остальным бакинцам-вокалистам не отслужить призыв в нашем ансамбле? Или стать там вольнонаемными солистами?

— Логично. Ты, говоришь, уже отобрал восемнадцать? Кого?

— Там в основном басы и баритоны. И жесткий теноровый дефицит. Еще одно: необходим хоровик-дирижер. Такого пока нет.

— Заметано, учту. Насчет хоровика... Наш выпускник Олег Фельзер перебивается на вторых ролях, на подхвате в филармонии.

— Тогда в чем дело? У нас он будет первым с окладом в двести.

— Сегодня же встречусь и переговорю.

Магомаев повернул голову к выходу — там собралось уже около десятка студентов: взволнованно вслушивались в разговор.

Муслим спросил, улыбаясь во весь рот:

— Массовка, вопросы к солистам есть?

— Муслим, а можно подробнее об ансамбле?

— Евгений, а тем, кого зачислят, на флотское питание можно рассчитывать?

— Муслим, нам Фархад Караев уже рассказал про ансамбль...

Евгений поднял руку:

— Товарищи лабухи! Все подробности узнаете у Муслима и Фархада. А сейчас убедительная просьба: найдите десять минут для меня?

— Найдем и даже больше, товарищ моряк, — сказала стоящая рядом студентка. — Я — Анна, класс фортепиано, второй курс. Вы что-то хотите спеть?

Евген всмотрелся — ее милое лицо светилось неподдельным интересом и добротой.

— Я хочу сыграть! Прошу как профессионалов оценить один опус.

Чукалин поднялся на сцену, сел за рояль. Сосредоточился. Отлетало все остальное: дивизион, приход в консерваторию, дуэт, соперничество с Магомаевым, прекрасная Анна. Он заиграл. Горячие пальцы нашли в клавишах раскаленный, трепещущий «Сонатеньш». В гулкий, резонансный зал, в полутемное пространство выплескивалось что-то необычно

новое. Гармония выбивалась из классических канонов неожиданными диссонансами и авангардом.

Необычная мелодия, бурлящая морем и матросской жизнью, встряхивала, пробуждала острое любопытство, кто автор?!

Евген взял последний аккорд и снял руки с клавиатуры. Зал взорвался аплодисментами, в которые врывались попытки отгадать автора:

— Сильная вещь. Свиридов?

— Шнитке?

— Шнитке слабоват для этой мелодийности — скорее, Гаврилин!

— Гибрид из Шнитке с Шостаковичем! Нотами поделишься?

Чукалин сошел со сцены к студентам, ответил:

— К сожалению, никто не угадал. Это мой опус под рабочим названием «Сонатеньш». Запишу — поделюсь с желающими. За оценки — поклон. В ваших отгадках даже бочком приткнуться к Свиридову с Шостаковичем — небывалая честь. Спасибо! Сейчас мне пора, опаздываю на встречу в оперном театре.

Ускоряясь, пошел к выходу из зала, не переставая пожимать руки. Позади, протискиваясь между сокурсниками, за ним торопилась Анна.

На улице окликнула его:

— Евген!

Чукалин обернулся. Легкие духи пахнули на моряка абсолютно иной, не дивизионной жизнью, лицо девушки светилось острым любопытством и интересом.

— Вы меня ошаршили. Вам необходимо профессионально заняться композицией. Мне кажется, у вас большое будущее.

— Даже так?! Ну, Аннушка, получить такую оценку от профессионала — об этом и не мечталось. Спасибо, давно жизнь не подбрасывала мне такие сюрпризы. Может, пройдемся? Если Вам по пути.

— С удовольствием.

Они пошли вдоль ограды.

— Вам в оперный театр?

— Да. Может, оставим выканье?

— Слушаюсь, товарищ моряк. Только давай пойдем через парк. Он как раз по дороге.

— Сахил?

— Да, — она улыбнулась. — Мой любимый. Хоть и маленький, но уютный и очень красивый. Как сейчас помню, как мы с мамой и братом гуляли там в детстве.

— Ты не очень похожа на азербайджанку.

— А я не местная, — Анна поправила прядь волос. — Мои родители в свое время поменяли квартиру на Баку и переехали сюда из Киева. А почему — я не знаю. Они никогда не рассказывали об этом.

— Если не рассказывали, значит, и не надо. Зато спишь спокойней. Когда посчитать нужным — обязательно расскажут.

— Наверное, ты прав, — она посмотрела Евгению в глаза. — Знаешь, с тобой так легко и просто. Не так часто встречаешь настоящих мужчин... особенно в нашей среде.

Они зашли в парк. Маленький и уютный, все так, как описывала Анна. Деревья за десятилетия вытянулись ввысь и вширь, награждая землю солидной тенью. Несколько бодрых фонтанчиков выбрасывали струйки чистой, прохладной воды. Поодаль немолодая женщина в старомодной фиолетовой шляпке выгуливала шпица.

Анна любовно оглядела здесь, казалось, каждое дерево по-отдельности:

— Вот мы и пришли. Может, посидим на скамейке?

— Только несколько минут. У меня полчаса до встречи с Рыжовым в театре.

— У тебя есть девушка?

Евген дрогнул. Ответил коротко, уминая в себе тоску, норотившую выплеснуться с голосом.

— Была.

— Почему была? И кто она? Та самая, которая научила тебя играть?

— Реалистка. Вычислила, что преподаватель консерватории как муж выгодней матроса Каспийской флотилии...

Анна взяла его под руку, виновато покаялась:

— Ну прости. Я бессовестная любопытная клуша, сую нос, куда не следует.

— Ничего, проехали, — устало сказал Евген. — Извини, мне пора на встречу с Рыжовым, терпеть не могу опаздывать.

— Да-да, помню.

— Ну... до встречи?

— Считаешь, она нужна? — тепло, с затаенной надеждой спросила Анна.

— Считаю, необходима.

— Странно. У меня такое же ощущение. В следующий раз, когда будешь в городе, позвони. Вот визитка папы и наш домашний телефон. Куда-нибудьходим.

Они расстались, чувствуя, что между ними произошло нечто важное, которое надо бы сохранить и беречь.

* * *

Вечером в кубрике Евген лежал в своей койке, прокручивая в голове прошедший день: адмирал Пильщиков... сумасшедшая радость от предстоящего события — ансамбль! Приход в консерваторию... встреча и разговор с Магомаевым... затем Анна.

— Евген, спишь? — донесся до него полусшепот Рената-торпедиста. Два года они служили бок о бок на одном катере.

— Нет еще. Чего тебе?

— Болтали об флотильских учениях. Годовые, итоговые. Как думаешь, правда?

— Пока на уровне ОБС — одна баба сказала. Но что-то в этом есть.

— У меня паршивое предчувствие, что это шарахнет. Как будто в последний бой пойдем. Сна ни в одном глазу.

— Напридумывал всякой всячины... — усмехнулся Евген. — Наши с тобой враги в этом бою — мишень для пулемета и деревянный макет эсминца для твоей торпеды. Их и будем побеждать. Спи!

* * *

Спустя три часа спящие в кубрике матросы услышали звон боевой тревоги. Дневальный по казарме заорал: «Подъём!» Матросы спрыгивали с кроватей. Через минуту с небольшим дивизион торпедников выстроился во дворе на плацу.

Через пятнадцать минут Каспийская флотилия отчаливала от берега

в море. Крейсера, торпедные и ракетные катера, авианосец — полчище морской силы покидало порт среди ночи. Флотское учение с боевыми стрельбами длилось до трех утра. После чего капитанам кораблей поступила команда возвращаться.

* * *

Евген сидел в своей БЧ-2: металлокруге с турельным вращающимся пулеметом. Ренат, торпедист, съезжился в сиденье БЧ-1 в конце торпедного аппарата. Возвращались после учений на базу. Отстрелялись на «хорошо». Тела сковывала усталость, сон валил головы, смыкал свинцово-тяжелые веки.

С черно-серого неба моросил дождь, нос катера разрубал волны, заметно нарастившие после полуночи свою мощь и крутизну, приближаясь к штормовым пяти баллам. Дождь совсем не по-летнему мочил форму и заползал стужей под тельняшки. Силуэт командира катера Левина маячил в капитанской рубке.

Всматриваясь в хаотично поднимающиеся бугры воды, Чукалин прокручивал в памяти только что состоявшееся: пулеметная стрельба по мишеням, оценка «хорошо», вполне приравненная к «отлично», и пуск торпеды Ренатом с оценкой «удовлетворительно» — с учетом серьезного волнения на море.

— Чукалин, Эльмурзаев, замерзли? — окликнул капитан из рубки.

— Терпимо, товарищ капитан-лейтенант, — сцепив зубы, отозвался Чукалин.

— Терпимость — вещь полезная при необходимости. Необходимость отпала. Разрешаю спуститься в машинное отделение.

— Есть... Спасибо, — в унисон отозвались Чукалин с Ренатом.

Евген, держась за леер, направился к корме катера. За ним двинулся Ренат. Палуба под ногами взмывала и опадала, переваливалась с боку на бок: шторм набрал силу. Катер, взбираясь на пологие бугры волн, двигался вперед на малом ходу, не превышающем 20 узлов в час, сзади за кормой вспухали пенистые буруны от винтов.

Балансируя на полусогнутых ногах, Евгений подошел к крышке люка машинного отделения: он был не задраен вопреки Уставу, и в палубе светилась полукруглая щель. Евгений потянул люк за ручку на себя. В лицо пахло жаром и ревом раскаленного двигателя. Оперся о палубу руками, бросил ноги в круглую, гремящую железным рокотом дыру, споровисто нащупывая подошвами железные ступени трапа. За ним нырнул Ренат. Они спустились в полутемную тесноту машинного отделения, блаженно ощущая задубевшими лицами долгожданное тепло.

— Смирна-а! Р-равнение налево! — громыхнул Чукалин.

Машинист Денис и его помощник Артем, сидевшие с закрытыми глазами, привалившись спинами к борту, дернулись. Денис недовольно рыкнул:

— Тыфу, твою дивизию! Чего орешь?

— А ничего, что у вас люк расхлебачен? На учениях как положено? Задрать! Раздолбай!

— Евгений, не возникай... — примирительно отозвался Денис. — Стрельбы закончились, жарюцца давит, люк не задраили, чтобы она в щель хоть чуть выветривалась.

— Ничего, потерпим, жар костей не ломит, — сказал Чукалин. — Ренат, задрай люк как положено.

— Слушай, Чукало, какого хрена ты у меня в БЧ-3 командуешь? — вскинулся Денис. — Твоя громышалка на палубе, там командуй!

— Евген, — вздохнул Ренат, — в натуре, пусть еще минут десять проветрится, потом...

Он не успел договорить.

* * *

Командир катера 649 капитан-лейтенант Левин, доложив в штаб по радиции свои координаты, напряженно всматривался во мглу бушующего моря. Он вдруг увидел: перед самым носом катера внезапно появилась толстая, торчком стоящая дубина бревна, как воткнувшаяся в небесную мглу. Дубина накренилась на гребне черного вала и обрушилась на катерный нос. Левин рванул штурвал влево и с тоскливым ужасом ощутил необратимую конвульсию своего корабля, стремительно сваливающегося на бок. Бревно ползло вдоль борта, обдирая о заостренную дюраль лохмотья коры, заваливая катер. Водяной вал, несущий ствол кругляка, навалился, ударил в борт упругой мощью и перевернул суденышко.

Левина утаскивал в глубину ледяной смерч, в голове истаивала последняя, пропитанная смертной тоской мысль: «Конец!».

В уши моряков машинного отделения толкнулся снаружи мощный ударный звук. Катер содрогнулся, натолкнувшись на что-то массивное. Задирая нос, стал заваливаться на бок. Днище с припаянным к нему двигателем задралось вверх и стало потолком. Четверо моряков, обдирая бока, руки и лица о дюралевые рангоуты, рухнули на потолок, ставший полом. В распахнувшийся люк рванул снизу столб ледяной воды. Она накрыла четырех матросов, с жадным, хищным хлюпом заняла треть полутемного пространства машинного отделения. И остановилась, спрессовав над собой воздушную подушку. В нее вынырнули из воды со стоном и воплями, очумело озираясь, три мокрые фигуры.

Слитный дизельный грохот прервали свистящие хлопки, затем рваные паузы. Стальную махину встряхнуло, рокот свисающего с потолка двигателя оборвался. В воздушную пробку вокруг него втиснулась тишина.

— Все живы, мужики? — сплкнув соленую воду, спросил Чукалин, всмотрелся, сосчитал: — Ренат... Денис... Артем... ты где, Артем?! Артема нет!

Он нырнул в соленую, ледяную стынь, двинулся вперед, обшаривая руками пространство. У торцевой стены отделения ладони наткнулись на вялую, неподвижную плоть. Ухватил задубелую жесткую робу на теле двумя руками, дернул ее вверх, встал на ноги. Голова Артема с закрытыми глазами склонилась к плечу, на виске сочилась сукровицей надорванная кожа.

— Артем... земля... ты чего?! — потясенно выкрикнул Денис, рванулся к напарнику по службе. — Артем, браток, оживай! — тряс сослуживца за плечи механик.

— Тихо! Отставить истерику, — сквозь зубы выцедил Евген. Всмотрелся в дюралевую переборку с двумя пустыми креплениями для рундука с запчастями, понял:

— Рундук сорвало с креплений. Ему на голову.

Обхватил недвижимого Артема сзади под мышки, стал сдавливать и отпускать его грудную клетку:

— Ну давай, братишка... Дыши... дыши... не сдавайся...

Массаж длился несколько минут, но Артем не приходил в сознание.

— Это что было... На что напоролись... Командир где? Что будем делать?! — бросал рваные фразы Ренат, панически обшаривая взглядом плещущий ледяной аквариум.

— Для начала не бабиться! — властно, сосредоточено отрубил Евгений.

— Конец нам! — потрясенно застонал Ренат. — Не зря с утра почувал: в последний бой идем.

— Сказал, не бабиться! — рявкнул Чукалин. — В штабе учение на контроле, доклады от командиров кораблей в штормовых условиях каждые пятнадцать минут, плюс засветка на экране локатора. Доклада от нашего катера нет. Это уже зафиксировали.

— Евгений, что с командиром? Может, выплыл... держится на днище? — выцедил сквозь зубы, стискивая дрожащие челюсти, Денис.

— Придержи Артема, — приказал Чукалин. Жесткая сила исходила от него, принуждая к беспрекословному повиновению.

Денис подплыл к Евгению, перенял вялое тело помощника, прислонил его к переборке. Чукалин вновь погрузился в воду, ухватил ощупью квадратный рундук с запчастями и инструментом, сорванный с переборки. Выдернул его наверх. Напрягаясь от свинцовой тяжести, задвинул в пазы крепления, откинул крышку. Набор инструментов был цел. Евгений взял гаечный ключ, несколько раз стукнул в металл. Железные ляжки толкались в ушные перепонки, оглушая в замкнутом пространстве.

Провальная тишина была ответом.

— Нет нашего командира, мужики. Не отзывается, не выплыл, — сказал подавленно Чукалин. Оглядел серые, мокрые лица выживших. На них напознал тоскливый растерянный ужас. Становилось труднее дышать: три пары легких гоняли воздух в железной замкнутой коробке, гоняли в авральном, паническом режиме, насыщая отравленной углекислотой. Четвертая пара — Артема — едва работала, он был в коме.

* * *

Младший лейтенант Жильцов вместе с другими офицерами сидел перед экраном радара на командном пункте в штабе флотилии.

Он всматривался в экран радиолокации и периодически тер глаза, начавшие воспаляться от бессонной ночи.

Распределившись во флотилию всего несколько месяцев назад, он еще не обрел нужной уверенности. Одно дело — заниматься в военном училище, где за твоей спиной преподаватели и на экранах всего лишь имитация, а другое — настоящая служба в условиях флотского учения, приближенного к боевому.

Фосфоресцирующий экран устойчиво отражал зеленые точки кораблей, возвращающихся с учений. Их было двадцать. Точки едва заметно сползали к единому центру — гавани порта. За каждой из них скрывался реальный боевой корабль, начиненный сокрушительными ракетами, торпедами, минами. Жильцов мысленно представлял себя капитаном какого-нибудь эсминца, ставил задачи штурману или оператору ракет. Минуты текли неторопливо и успокаивающе. Все шло по графику, без отклонений.

Из-за спины на его плечо легла тяжелая рука начштаба. Жильцов развернулся, встал, отрапортовал:

— Товарищ капитан первого ранга, во время моего дежурства происшествий не случилось, корабли возвращаются заданным курсом к порту. Старший оператор лейтенант Жильцов.

— Хорошо, Жильцов. Первые твои учения?

— Так точно.

— Поздравляю. Есть какие-нибудь вопросы?

— Никак нет.

— Задачу помните? Принимать доклады от кораблей каждые пятнадцать минут: заданный курс, время прибытия и состояние хода.

— Так точно. Последняя связь состоялась... тринадцать минут назад.

— Продолжайте дежурство, лейтенант.

Капитан первого ранга отошел. Жильцов глянул на часы, в душе вооружилась тревога: с последней связи время прошмыгнуло незаметно. Жильцов надел наушники, отдал команду вполголоса:

— Внимание кораблям. Говорит база. Выйти всем на связь.

После чего стал принимать доклады.

— Татарстан 495, на связи. Корабль следует курсу в квадрате 48.95.8.

Без происшествий. До прибытия сорок минут.

— Альфатер 865, на связи. Корабль следует курсу в квадрате 47.95.4.

Без происшествий. До прибытия сорок пять минут.

— Бакинец 687, на связи. Корабль следует курсу в квадрате 48.93.6.

Без происшествий. До прибытия пятьдесят минут...

Жильцов отмечал на листе отмеченные корабли.

После девятнадцатого он пересмотрел список. Пересчитал еще раз, чувствуя, как толкнулась в голову тревога:

— Так... Почему девятнадцать... Когда их стало девятнадцать? Твою дивизию, где двадцатка — катер 649?!

Нажал кнопку на селекторе, доложил звенящим от тревоги голосом:

— Товарищ капитан первого ранга, дежурный оператор лейтенант Жильцов. Докладываю: не поступил сигнал от одного из кораблей — торпедный катер 649.

— Что-о? В прошлой переключке он отметился?

— В прошлой... полчаса назад — так точно, доложил параметры, как все остальные...

— Прошлая должна быть пятнадцать минут назад, а не полчаса! — взревел начштаба. — В бирюльки или в куклы играем на боевом дежурстве, Жильцов?!

Нажал синюю кнопку на селекторе, включил громкую связь:

— Антоненко!

— Капитан третьего ранга Антоненко на связи! — тотчас отозвался командир летного подразделения.

— Сергей Иванович, поднимай грузовой вертолет с водолазами, — приказал начштаба. — Исчез со связи торпедный катер 649. Ориентировочный квадрат поисков 48.95.8.

* * *

Три тела, колыхавшиеся в замкнутой железной клетке по пояс в ледяной воде, приближались к последней жизненной черте. Четвертое тело — Артема — эту черту уже перешло. Трое, прижавшись спинами к остывающему двигателю, уже не чувствовали ниже пояса ни костей, ни мышц. На известково-белых лицах двоих — Дениса и Рената — за-

стыл тоскливый ужас, утраченное дыхание гоняло разрезанный отравленный воздух из последних сил: сердца и легкие задыхались без кислорода.

Ренат закрыл лицо руками. Плечи затряслись в тяжком, надрывном плаче.

— Евгений, — выхрипнул Денис, — еще п-п-полчаса, и м-м-мы трупы. Я... пробиваю... дыру в днище... б-б-больше не могу.

— Через дыру воздушная подушка, которая держит катер, выйдет за минуты ... — тускло предостерег Чукалин.

— Ч-черт с ней... с п-п-подушкой... Я сейчас сдохну!

Глаза Дениса стекленели в наползающем безумии, он двинулся к ящику с запчастями.

— Стоя-а-ать!.. — выдохнул Чукалин. Мозг пронизала спасительная мысль, порожденная «дырой». Он уцепил Дениса за робу, прижал спиной к двигателю.

— Дыра, говоришь?.. Ай, молодец... Гений... Дыра — это хорошо!

Он похлопывал Дениса по щекам, повторяя: «Ну ты — гений»!

Глаза Дениса становились осмысленней. Усмехнувшись, Чукалин стал приказывать жестко и нетерпеливо, вбивая приказы гвоздями в мозг Рената:

— В движке маслопроводные шланги! Разных диаметров! От каждого отрежь по полметра! Продуй от масла!

— Зачем? — обесиленно спросил Денис.

— Дыра должна быть нам полезной! Выполнять! Держи нож! — уклончиво ответил Евгений.

В тусклом свете плафона, врезанного в переборку, вынул из рундучка с запчастями нож и передал Денису. Сам вновь вернулся к рундучку и достал из него два круглых зубила с закаленными зубцами. Нетерпеливо перебирал их, наблюдая за работой Дениса, замедленно-вялой, из последних сил. Не дождавшись завершения его работы, он нетерпеливо выдернул из руки Дениса три отрезка шлангов и сам продул их от масла. Сравнил с диаметрами зубил и, найдя подходящий, сходного размера, вернул его Денису:

— Держи наготове.

Взял выбранное круглое зубило, молоток, приставил к днищу над головой и ударил по зубилу молотком. Он остервенело бил и бил в железном грохоте, пока зубчатая округлость не продырявила дюраль. С легким свистом в отверстие рванул воздух, вода в катере на глазах, по сантиметру стала подниматься, затопляя плафон на переборке, сочившийся мертвенно-синим, слабеющим светом.

— Дай сюда! — рыкнул Евгений, выхватил из руки Дениса шланг, выдернул из дыры зубило и втиснул в нее конец шланга. Отметил про себя с неистойвой радостью: им сказочно повезло — прорезиненный шланг вошел в округлость туго, намертво закупорив отверстие.

Чукалин зажал конец шланга пальцем, потрясенно, задыхаясь, выстонал:

— Ай да Женя... ай да сук-кин сын!

Плафон, истощив аккумуляторный запас, погас. Их всех охватила крошечная тьма. Но в руках у Евгения уже был волшебный эликсир, исцеляющий, продлевающий жизни, — доступ к свежему воздуху. Он уцепил шланг губами, вдохнул и задохнулся, закашлялся от хлынувшей в легкие озоновой, прохладной свежести, стал дышать. Через минуту вы-

дернул шланг из губ, зажав пальцем конец, нащупал руку Рената, вложил в нее шланг; тот судорожно, из последних сил хватал воздух; сказал:

— Дыши! Минуту, не больше! Потом Денис...

* * *

На пирсе дежуривший грузовой вертолет запускал двигатели. Четыре огромные лопасти лениво раскручивались, но все быстрее и быстрее, пока не слились в единый круг. Первый пилот, получив разрешение на взлет, оторвал машину от земли и взмыл в зыбкую, сумрачную мглу, взяв курс навстречу возвращающимся кораблям.

Через несколько минут вертолет висел над заданным квадратом 48.95.8. Воткнув в море слепящий столб прожектора, пилоты напряженно всматривались во взбаламученную стихию под собой, искляксанную белыми бурунами. Дождь заливал стекла кабины, щетки, их очищавшие, метались по стеклу на предельном режиме.

— Видишь что-нибудь?

— Нет, а ты?

— Как в воду канул катер.

— Да уж, этого нам только не хватало.

— Давай по линии его курса.

Вертолет медленно поплыл по курсу катера, высвечивая прожектором бесконечный танец волн. Пилоты напрягали глаза, пытаясь разглядеть очертания малого судна. Сидевшие в вертолете четверо водолазов тоже не отрывались от иллюминаторов. В сознание всех невольно вползало чувство, что все тщетно, напрасно, но пилоты еще и еще раз проходили весь маршрут.

Наконец первый пилот сказал:

— Ладно, давай докладывать. Все, ничего не отыщем. Каспий, стервец, разбушевался по полной. Похоже, «шестьсот сорок девятому» Царство Небесное. Если так, то дальше уже не наша работа, а подводников.

— Похоже на то, — первый взял рацию, поднес микрофон ко рту, но был остановлен окликом второго пилота:

— Стой! А ну давай влево на 20 градусов. Смотри, что там?

Они оба увидели нечто красное среди громоздких валов, увенчанных пенистыми гребнями. Вертолет развернулся и пролетел с десятков метров вперед. Спустя минуту луч прожектора накрыл отливающее красным днище катера.

Пилот схватил вновь рацию:

— Внимание, база! Видим днище «шестьсот сорок девятого». Перевернут, держится на плаву, скорей всего, за счет воздушной подушки. Приступаем к высадке водолазов!

Вертолет завис в трех метрах над морем, шипящие валы почти касались его днища. Второй пилот распахнул дверь кабины, крикнул водолазам, перекрывая рев двигателя:

— Мужики, теперь ваша работа! Цепляйте тросы к катеру.

Водолазы, нацепив маски, по очереди вывалились в море через распахнутую дверь.

С вертолета, извиваясь гибкими удавами, опустились четыре троса с крюками. Водяные валы заглатывали их в себя, растаскивали в разные стороны. Когда водолазам удалось поймать все концы, они, держась за

тросы, сплылись к красному днищу катера и увидели еще не виданную и необъяснимую реальность: из днища торчал конец резинового шланга. Когда, кто, зачем?! На отгадки не было времени, и водолазы стали подныривать к утопленной ватерлинии и цеплять металлические крюки за массивные проушины вдоль нее: виват, честь и хвала прозорливому разуму конструктора, предусмотревшему подобные ситуации.

Крюки держались в проушинах у всех; четверо вцепились за тросы мертвой хваткой, упершись ногами в днище, а старший, зафиксировав конец общей адской работы, трижды мигнул фонарем пилоту вертолета, крикнул ошипшим голосом:

— Майна!

* * *

Моряки слышали снаружи глухое звяканье металла о борт катера. Оно было настолько нереальным в крошечной утробе ледяной мглы, что трое содрогнулись, как простреленные звуковым током.

Звяканье прервалось, катер вдруг выровнялся и пополз вверх. Водяной пресс, давивший их тела, сползал вниз к бывшей палубе. Катер на тросах, оторвавшись от крутых валов, завис над ними. Из распахнутого люка прорывно хлынула вода.

Трое в ледяном бункере, освобожденные из мучительного плена, бесильно рухнули навзничь, не чуя под собой ног. Увидели в распахнутый люк, как вздыбленное море, полосуемое прожекторным светом, проваливается в бездну. Потом оно качнулось, накренилось и сдвинулось, а катер, ускоряясь, поплыл над Каспием.

Трое матросов, обнявшись, втягивали в себя воздух и не могли им надыхаться. Чукалин цедил сквозь сцепленные зубы, едва ворочая заледевшим языком:

— Все... все, братва... Командиру с Артемом Царство Небесное, а мы живы... дышим. Скоро порт...

— Евген, а правду говорят, что тебя от нас забирают — и куда?.. — неожиданно спросил Ренат.

— В другое измерение, — сдавленно отозвался Евген. — Туда, где гармония, клавиши и Аннушка с Муслимом.

